

О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ РАЗВИТИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В ПРАВОВОМ ПОЛЕ

Анализируются диалектические механизмы перехода из одной дискурсивной практики в другую с целью сближения или дистанцирования интенциональных горизонтов участников коммуникации. Доказывается, что дискурсивные практики находятся в постоянном движении, подчиняясь диалектическим законам развития в соответствии с современным семиотизмом. Материалом для исследования послужили массмедийные и художественные произведения, легитимность использования которых для анализа институциональной коммуникации обосновывается со ссылкой на теорию возможных миров.

Ключевые слова: дискурсивные практики; диалектика; юридический дискурс; Дискурс Различий; Дискурс Согласования; Дискурс Экспертного Сообщества.

Лингвосемиотический анализ эволюции юридического дискурса, осуществленный в [1], позволил выделить важное перспективное направление – исследование закономерностей диалектического механизма перехода из одной дискурсивной практики в другую вопреки эволюционной схеме *Дискурс Различий* – *Дискурс Согласования* – *Дискурс Экспертного Сообщества*.

Материалом для настоящего исследования послужили массмедийные и художественные произведения: российское судебное телешоу *Суд присяжных* (URL: <http://sudprisyazhnyh.ucoz.ru/>, далее – (1)) и роман американского писателя Дж. Гришема *A Time to Kill* (URL: <http://bookre.org/reader?file=235396>, далее – (2)).

Легитимность использования данных произведений для анализа социального взаимодействия обосновывается со ссылкой на теорию возможных миров [2–4 и др.]. В общих чертах возможный мир можно определить как возможное положение дел либо возможное развитие событий. Теория возможных миров, с одной стороны, способствует анализу знаний в процессе их постоянного изменения и, с другой стороны, позволяет анализировать так называемые заданные миры, содержащие утверждения о гипотетических или воображаемых ситуациях. Писатели создают возможные миры, основанные на их собственном знании об этих мирах. Однако эти миры, как отмечает Д. Льюис, должны быть обязательным образом связаны с фактами реального мира, подобными изображаемому в тексте [5. Р. 272–273].

В художественном или массмедийном произведении автором создается модель мира реального с опорой на знания о социокультурном контексте, в который вводятся высказывания. В пользу репрезентативности материала, используемого в настоящем исследовании, говорит принадлежность авторов и участников экспертному сообществу юристов. Так, Джон Гришем, автор анализируемого романа, – юрист по образованию, занимался юридической практикой на протяжении десяти лет, специализируясь на уголовных делах. В свое произведение Гришем перенес практику работы в судах и юридических конторах, где сталкивался с делами, описываемыми в триллерах. Роман *A Time to Kill* был создан после того, как писатель на одном из судебных заседаний услышал душераздирающие показания двенадцатилетней девочки, которая оказалась жертвой изнасилования.

Судебные телешоу также основываются на реальных событиях, имевших место в судебной практике. Реальность основных участников, знакомых с особенностями правовой коммуникации и владеющих экспертным знанием, позволила нам условно идентифицировать данные телешоу и юридические дискурсивные практики, разворачивающиеся в ходе настоящих судебных заседаний.

Кроме того, анализ юридических дискурсивных практик на материале художественных и массмедийных произведений помогает лучше познать объективную реальность, поскольку в художественном творчестве имеет место осмысление множества фактов в обобщенных образах и ситуациях [5. Р. 272–273]. Художественное обобщение состоит в отборе, выделении, оптимизации, фильтрации, фиксации такого материала, который, по мнению автора, лучше всего выражает его идею. Достоинство художественного обобщения заключается в его жизнеподобной форме – обеспечении наглядности, ясности, конкретности, концентрации смысла.

В рамках данного исследования под дискурсивной практикой понимается устойчивая традиция речевой деятельности определенного дискурсивного сообщества, лингвосемиотически отражающая определенный вид культуры, включенная в нее и ее характеризующая. Каждому дискурсивному сообществу присущи определенные способы производства речевых высказываний. Такие способы производства и есть дискурсивные практики – целенаправленные речевые действия, отражающие предрасположенность членов дискурсивного сообщества вести себя сходным образом в определенном институциональном контексте.

В предыдущем исследовании мы отметили вслед за А.М. Каплуненко [6. С. 115–120], что дискурсивные практики проходят три этапа в своем эволюционном развитии: Дискурс Различий, Дискурс Согласования и Дискурс Экспертного Сообщества.

На первом этапе эволюции формируется речевая деятельность, в которой преобладает феноменологическое знание, опирающееся на индивидуальный опыт – **Дискурс Различий** – знаковое взаимодействие с преобладанием индивидуального контекста интерпретации. Дискурс Различий связан с феноменологическим компонентом, интенциональными горизонтами коммуникантов, различные мнения возникают вследствие субъективного познания бытия. Феноме-

нологическое значение представляет собой индивидуальную интерпретацию знаков, основанную на личном опыте индивида. Носитель Дискурса Различий интерпретирует объекты и явления субкультуры экспертов в соответствии с внутренним временем EGO (термин Э. Гуссерля), опираясь на концепт – семиотическую сущность с бедным содержанием и неопределенным объемом.

Утверждение в науке принципа рационализма как выражения прогресса знания, науки и техники положило начало господству **Дискурса Согласования**, участники которого стремятся к утверждению общей точки зрения. В основе данного типа дискурсивной практики лежит понятие – то, «о чем люди договариваются, конструируют для того, чтобы иметь общий язык при обсуждении проблем, опираясь на логические соображения» [7. С. 5]. Дискурс Согласования организуется вокруг понятия, которое представляет собой совокупность признаков, отобранных из концептов и согласованных участниками коммуникации. Ограниченный набор признаков концепта помогает прийти к консенсусу и согласовать различные взгляды, т.е. сформировать Дискурс Согласования.

Дискурс Экспертного Сообщества (ДЭС) – заключительный этап эволюции дискурсивных практик, в условиях которого формируется терминологический аппарат, помогающий дифференцировать общество экспертов и общество обывателей. Участники экспертного сообщества обладают специальными знаниями для решения профессиональных задач, генерируют экспертные заключения и идеи по направлениям своей профессиональной деятельности исключительно с опорой на термин. Термин служит специализирующим, ограничительным обозначением предметов, явлений, их свойств и отношений в определенной сфере.

Если эволюционный подход предполагает измерение различий между начальной (Дискурс Различий) и конечной (ДЭС) точками развития, в рамках диалектического подхода внимание исследователя приковано к механизмам преобразования, которым подвергается объект в ходе своей эволюции, к конкретным действиям, содержанию элементарных процедур, которые сопровождают движение объекта. В нашем случае этим объектом выступают дискурсивные практики и семиотические сущности, вокруг которых они организуются.

Диалектичность является конститутивным признаком дискурса в современных условиях семиозиса и заключается во взаимодействии трех форм дискурсивных практик – Дискурса Различия, Дискурса Согласования и ДЭС. Диалектическое сосуществование этих форм объясняется различием возможных миров коммуникантов – эксперта и обывателя. Эксперт обладает своим профессиональным возможным миром, сформированным в результате рефлексирования внутреннего EGO на объекты Мира Действия. Он представляет обывателя – Другого – как находящегося за пределами своего экспертного сообщества. С точки зрения эксперта, Другой не обладает специальным знанием для правильной интерпретации его профессионального возможного мира. Последний счита-

ет, что Другой способен воспринимать его знание на понятийном или концептуальном уровнях. Чтобы интегрировать свой профессиональный возможный мир в сознание Другого, эксперт вынужден формировать Дискурс Согласования либо уходить в Дискурс Различий, носителем которого является Другой.

Как мы отметили выше, при диалектическом подходе на первый план выходят интенциональные горизонты, под которыми мы понимаем всю совокупность интенциональных состояний, характерных для определенной личности. В рамках изучения диалектических механизмов социального взаимодействия раскрытие механизмов сближения и дистанцирования интенциональных горизонтов коммуникантов представляет особый исследовательский интерес. Именно разницей интенциональных горизонтов определяется характер социального взаимодействия участников и направления интерпретации знака. Различие интенциональных горизонтов коммуникантов может стать причиной разногласий, недопонимания и, как следствие, формирования Дискурса Различий. Сближение способствует формированию коммуникативной общности, обратной связи с участниками дискурса, достижению взаимопонимания и выходу на уровень Дискурса Согласования.

Рассмотрим пример:

*Присяжный 1: Мотивы для совершения данного преступления могли быть у нескольких человек. Нет **прямых ули**к в совершении данного преступления.*

*Присяжный 2: Я хочу возразить. Есть же показания свидетелей. Как раз **прямые улики** указывают на то, что она именно убила.*

*Присяжный 3: **Прямые улики** – это у нас **нож, отпечатки пальцев на орудии убийства** (1).*

Данный фрагмент дискурса присяжных заседателей при вынесении вердикта показывает, что отсутствие экспертного знания заставляет их обращаться к личному опыту интеракции со знаками. Присяжный 2 *прямыми уликами* называет представленные стороной обвинения косвенные доказательства, относя к ним показания свидетелей, которые участниками ДЭС определяются как косвенные – обстоятельства, дающие основания для определенных выводов о данных обстоятельствах. Присяжный 3 определяет прямые доказательства путем перечисления их разновидностей, но оставляя данный знак без дефиниции, поскольку не владеет знаниями в области уголовно-процессуального права. Он явно претендует на около-экспертное мнение. В силу естественного стремления каждого носителя Дискурса Различий к тому, чтобы именно его точка зрения была положена в основу Дискурса Согласования, Присяжный 3 расширяет концепт «*прямые улики*» с помощью инклюзивного «мы / у нас». Наблюдается скрытая форма аргумента к известной истине: «*всем известно, что **прямые улики** – это **орудие убийства и отпечатки пальцев убийцы***». Приведенная реплика является классическим примером борьбы за ресурс влияния Ego на Alter.

Присяжные заседатели обладают различным опытом, а следовательно, и интерпретация одних и тех же явлений у них будет противоречивой. В данном фрагменте мы наблюдаем борьбу Дискурсов Различий с

целью формирования Дискурса Согласования, которую схематично можно изобразить с помощью диаграммы Эйлера–Венна (рис. 1).

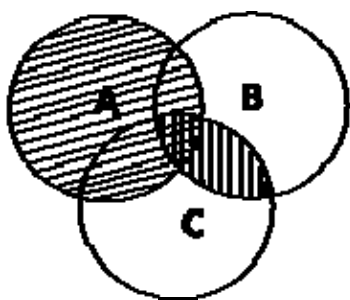

Рис. 1. Формирование Дискурса Согласования в ходе коммуникации носителей Дискурса Различий

Кроме того, рассмотренный фрагмент репрезентирует этапы «гегелевской спирали развития» *тезис – антитезис – синтез*. Аргумент Присяжного 1 есть тезис, Присяжных 2 и 3 – антитезис, а целью их коммуникации является синтез аргументов – продуцирование Дискурса Согласования, в основе которого лежит сближение интенциональных горизонтов.

К стратегии сближения интенциональных горизонтов, которая часто имеет манипулятивную природу, прибегают адвокаты и гособвинители, обращаясь к присяжным заседателям в попытке сформировать Дискурс Согласования. Под манипуляцией мы понимаем осуществление скрытого влияния на объект: «...когда Б не осознает намерения А оказать на него влияние, а А способен заставить Б действовать в соответствии со своими желаниями» [8. Р. 198]. Субъект не декларирует свои интенции. Проиллюстрируем сказанное примером:

Адвокат: *Я так и говорил. Надо кого-то одного посадить, а потом все **висяки по накатанной пойдут** (1).*

Адвокат пытается сблизить свой интенциональный горизонт и интенциональные горизонты присяжных с целью формирования Дискурса Согласования. Для этого он использует языковой код присяжных, язык, не перегруженный терминами, т.е. выходит за пределы ДЭС. Переключение с одного кода на другой, выбор того варианта языка, который близок адресату, свидетельствует о социально-лингвистической гибкости адвоката. Интенция адвоката – создать тесное коммуникативное пространство, где он и присяжные находятся на максимально близком расстоянии. Когда интенциональные горизонты собеседников близки, они легче и быстрее достигают взаимопонимания. В данном примере на создание совместного контекста интерпретации и перлокутивного эффекта работают элементы полицейского сленга и разговорного языка. Отказ от юридических терминов (*назначить наказание в виде лишения свободы; дело, не раскрытое в установленные сроки*) в условиях институционального общения является инструментом манипулирования, позволяющим адвокату позиционировать себя как «лицо близкого круга» для присяжных и добиться выгодного для себя и подсудимого вердикта.

Следующий пример также иллюстрирует выход за пределы ДЭС с целью оказания манипулятивного воздействия на адресата:

*Постановленный обвинительный приговор не выдерживает самой простой проверки – **здравым смыслом**... Конечно, наделенный **здравым смыслом** **средний представитель общества** понимает, что суд непосредственно воспринимал доказательства и исследовал их... В голову **здравомыслящего человека** поневоле закрадывается сомнение: **беспристрастен ли был суд?** (1).*

Высказывания адвоката организуются вокруг манипулятивного понятия *здорового смысла*, объем которого расширен настолько, что сложно выявить ядро содержания. Отсутствие единой интерпретанты позволяет манипулятору привнести необходимые смыслы, апеллируя к выгодной дефиниции. Апелляция к *здоровому смыслу* – это обращение с целью поддержки выдвигаемого положения к чувству здравого смысла, имеющемуся у адресата. То, что в чувствах, суждениях и выводах противоречит здравому смыслу, не может быть правильным. В судебной аргументации *здоровый смысл* всегда выступает в качестве индикатора истины.

Как показал анализ фактического материала, эксперт уходит в Дискурс Различий, организуемый вокруг семиотической сущности с множественной интерпретантой не только с целью оказания манипулятивного воздействия на адресата, но и для преодоления асимметрии знаний в общении с обывателем:

Переход из ДЭС в Дискурс Согласования для преодоления асимметрии знания показан в следующем примере:

*Attorney: And you heard there was **actual possession** and **constructive possession**. You are in possession of the badge that's on you now. You have active control of that. These water bottles in front of you, you have constructive possession of them. You have control over them, but you do not have active control of them. It's not in your possession right now (2).*

Отличие Дискурса Согласования от ДЭС заключается в объеме общего контекста интерпретации адресанта и адресата. Адресат – присяжный заседатель не является членом юридического экспертного сообщества, поэтому он не может адекватно интерпретировать специфические термины ДЭС. Для достижения перлокутивного эффекта адвокат пытается пояснить значение юридических терминов – *actual possession* и *constructive possession*, – прибегая к аналогии. Объяснение сложных терминов ДЭС путем обращения к жизненному опыту адресата-обывателя является одним из эффективных инструментов в асимметричной коммуникации. Такой переход позволяет выработать адекватную интерпретанту описываемого явления и сформировать Дискурс Согласования. Так, адвокат репрезентирует сложные юридические понятия *actual possession* и *constructive possession* с помощью простого образа *значка*, который можно легко визуализировать.

Еще одним примером перехода из одной дискурсивной практики в другую может служить обращение судьи к участникам судебного процесса, не являющимся профессиональными юристами, с целью пояснения их процессуальных прав и обязанностей:

Judge Bullard: You have the responsibility of reviewing criminal cases, listening to law enforcement officials

and victims, and determining whether or not reasonable grounds exist to believe the accused has committed the crime. If so, you issue an indictment, which is a formal charge placed against the accused (2).

В примере показан переход из ДЭС в Дискурс Согласования, в котором эксперты способны эффективно взаимодействовать с обывателями. Данное взаимодействие опять же можно представить с помощью диаграммы Эйлера–Венна, где место пересечения кругов – зона сближения контекстов интерпретации, т.е. зона Дискурса Согласования (рис. 2).

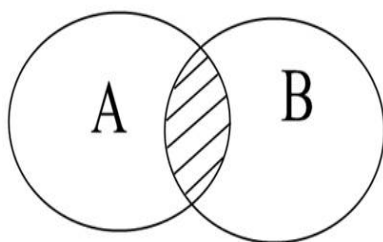

Рис. 2. Формирование Дискурса Согласования в ходе коммуникации носителя ДЭС и носителя Дискурса Различий

Участниками Дискурса Согласования являются судья – носитель ДЭС (А) – и присяжные заседатели – носители Дискурса Различий (В). В Дискурсе Согласования, который вынужден продуцировать судья, поскольку этого требует принцип кооперации, они имеют общий контекст интерпретации (см. рис. 2). Судья строит Дискурс Согласования путем пояснения термина *indictment*, используемого участниками ДЭС, в знаках, доступных для понимания носителю обывательного сознания, приводит профессиональные знания в такую семиотическую форму, которая была бы адекватно интерпретирована адресатом. Поскольку при переходе из ДЭС в Дискурс Согласования главное препятствие – это согласование в понимании терминов, судья дает соответствующее пояснение термина через понятие. Понятие – сущность сознания, в котором понимание объектов Мира Действия носителями ДЭС и интерпретатором-обывателем согласуются в Море Ценности. Понятия *charge* и *accused*, в отличие от термина *indictment*, не вызывают у носителя Дискурса Различий трудностей интерпретации, что позволяет достичь необходимого перлокутивного эффекта. Дискурс Согласования является тем мостом, который связывает ДЭС и Дискурс Различий, где, как заметил М.М. Бахтин, происходит встреча адресанта с другим сознанием, Другим [9].

Таким образом, отличительной чертой коммуникации эксперта и обывателя является ее асимметричность, обусловленная принадлежностью одного коммуниканта к ДЭС, а другого – к Дискурсу Различий. ДЭС предполагает наличие у субъекта коммуникативной власти, экспертного знания. Эксперт как субъект социальной деятельности выступает в роли представителя ДЭС и ведет обывателя от его Дискурса Различий к созданию совместного контекста интерпретации, к Дискурсу Согласования. В Дискурсе Согласования их интенциональные горизонты сближаются, формируя необходимый перлокутивный эффект.

Рассматривая случаи перехода от одной дискурсивной практики к другой с целью создания единого контекста интерпретации, отметим, что данный вопрос не раз поднимался в рамках изучения проблемы понимания и интерпретации юридического языка обывателями [10–12 и др.]. Особую актуальность этот вопрос приобретает в связи с участием присяжных заседателей в судебном процессе, от степени правильности понимания и интерпретации ситуации которых зависят справедливость и обоснованность вердикта. Поскольку присяжные заседатели не имеют специальных знаний, вопросы должны ставиться в понятных им формулировках. Как гласит п. 8 ст. 339 Уголовно-процессуального кодекса РФ, «юридические термины, употребляемые в речах представителей обвинения, защиты и суда должны быть доступными для рядового гражданина в такой степени, чтобы обеспечить адекватное восприятие и осмысление присяжными заседателями всего того, что происходит в судебном заседании и относится к деянию, в совершении которого обвиняется подсудимый» [13].

Терминологически насыщенный юридический язык создает условия для манипуляции сознанием и поведением обывателей (присяжных заседателей, свидетелей, подсудимого и потерпевшего) со стороны представителей профессионального сообщества – судей, прокуроров, адвокатов. Так, в уголовно-процессуальной практике недопустимым считается вопрос, *было ли преступление совершено с особой жестокостью?* Употребление в вопросном листе, предъявляемом присяжным заседателям, юридического термина «особая жестокость» для установления способа убийства требует специального знания, которым владеют юристы, в языке обывателя же данное словосочетание функционирует на уровне концепта, что может привести к множественной интерпретации, неприемлемой в уголовном судопроизводстве. Возможным способом достижения перлокутивного эффекта в этой коммуникативной ситуации является отказ от ДЭС в пользу Дискурса Согласования, объяснение значения терминологического сочетания *преступление, совершенное с особой жестокостью* путем указания на его признаки: *применение пыток, истязание, совершение преступления в присутствии близких потерпевшему лиц* и т.п.

Неверная интерпретация юридического термина присяжными заседателями может привести к серьезным юридическим ошибкам. В англоязычном судебном дискурсе таким примером может служить термин *aggravate*. В языке обывателя он имеет значение *досаждать (annoy)*, а в юридическом языке – *отягчать (вину)*. Присяжные, не владея экспертным знанием в области уголовного права, часто неверно интерпретируют данное понятие, поэтому переход к Дискурсу Согласования является условием вынесения обоснованного вердикта:

A person who had a particular condition before the accident may be awarded damages for the aggravation or worsening of that condition (2).

В данном высказывании судья употребляет не только термин *aggravation*, но и знак, поясняющий значение последнего – *worsening*, формируя у адресата верную интерпретанту.

Мы рассмотрели лишь некоторые из возможных случаев диалектического перехода из одной дискурсивной практики в другую с целью сближения интенциональных горизонтов и достижения перлокутивного эффекта. Далее обратим внимание на то, как переход между дискурсивными практиками способствует дистанцированию интенциональных горизонтов:

*Адвокат: В 2008 году Вы **привлекались в качестве подозреваемого** в деле о разбойном нападении и убийстве одного столичного антиквара.*

*Прокурор: Ваша честь, причастность свидетеля проверялась компетентными органами и **никакой причастности к убийству свидетеля не установлено** (1).*

Перед нами классический пример обвинения, построенный на опровержении, оспаривании, отрицании фактов, приводимых защитой. Задача прокурора в данном диалоге состоит в том, чтобы опровергнуть или поставить под сомнение сведения адвоката о личности свидетеля обвинения. Адвокат же пытается опорочить свидетеля обвинения и вызвать у присяжных сомнения в правдивости его показаний. Разные интенции участников дискурса не способствуют формированию Дискурса Согласования.

Приведем еще один пример.

*Адвокат: На данной записи мы видим свидетеля Зиброву, которая наносит **опасный** удар по голове погибшего.*

*Прокурор: Я возражаю против формулировки «**опасный**». Мы не знаем, какой он был.*

*Адвокат: По голове все **опасно** палкой (1).*

Участники коммуникации понимают суть, но отрицают точку зрения своего оппонента, уходя в Дискурс Различий, где возможна игра с концептами — знаками с множественной интерпретантой. Разногласия у адвоката и прокурора вызывает семантика прилагательного «опасный». Данный знак обладает манипулятивным потенциалом и его намеренное использование помогает склонить присяжных заседателей на свою сторону, поскольку позволяет его соотносить с той интерпретантой, которая соответствует выбранной линии защиты или обвинения: ведь для обывателя всё, что говорит эксперт, верно, функциональная точность его высказываний не подлежит сомнению. Именно к такому манипулятивному ресурсу часто прибегают носители ДЭС, реализуя свои коммуникативные цели.

Сторона обвинения и сторона защиты имеют прямо противоположные интенции, состояние их отношений не может быть не чем иным, как борьбой:

*Прокурор: Хотелось бы акцентировать внимание на том, что подсудимая **желала** смерти погибшему.*

*Адвокат: Ваша, честь, **желать** — не значит убить. Мы много чего желаем... (1).*

Прокурор и адвокат вступают в противоречие по поводу намерений подсудимой и семантики глагола «желать». Прокурор, реализуя функцию обвинения, *желание* отождествляет с преступными намерениями, которые в юридическом сообществе относятся к подготовительной стадии совершения преступления. При отсутствии желания нельзя готовиться к преступлению, либо намеренно приступить к его совершению.

Адвокат, напротив, сознательно игнорирует интерпретанту знака «желать» в юридическом контексте, придавая ему общеупотребительный смысл — *иметь внутреннее стремление (к осуществлению чего-нибудь, обладанию чем-нибудь)*, которое не может быть объектом правовой оценки. Данный пример демонстрирует противоречия между позициями прокурора и адвоката, являющиеся результатом расхождения интенциональных горизонтов. Это борьба двух типов дискурсов — Дискурса Экспертного Сообщества и Дискурса Различий: прокурор не выходит за пределы экспертного сообщества, оперируя выработанной в нем терминологией, в то время как адвокат в борьбе за выгодную интерпретанту пытается уйти в Дискурс Различий, позволяющий манипулировать знаками.

Данные примеры представляют собой переходные случаи отклонения от традиционного дискурса участников ДЭС. Классический диалог экспертов формируется с опорой на терминологическую базу ДЭС. Участники такого дискурса реализуют профессиональные цели, формирующие единый горизонт интерпретации понятия, на котором заданы однозначные параметры сущности, выбранной в качестве объекта исследования. Единая интерпретанта позволяет им экономить время, называя факты принятыми в профессиональной среде терминами, и общаться более эффективно. Осознавая сходство интенциональных горизонтов по причине принадлежности ДЭС, экспертам нет необходимости формировать Дискурс Согласования, отказываясь от терминологического аппарата юристов. Оценивая собеседника по шкале эксперт — обыватель, участник ДЭС выбирает соответствующую форму социального взаимодействия, от правильности выбора которой зависит перлокутивный эффект высказываний. Рассмотрим пример диалога двух носителей ДЭС:

— *Does he work?*

— *Now, he's **retired**.*

— *Was his **retirement** voluntary?*

— *You mean, was he **disbarred**, so to speak?*

— *That's right, so to speak (2).*

В беседе с коллегой-юристом главный герой романа *A Time to Kill* Джек Брайгенс интересуется текущей занятостью доктора Басса и в ответ на информацию о его выходе на пенсию уточняет, был ли уход доктора добровольным. Люсьен, осознавая, что он и его собеседник обладают единым горизонтом интерпретации, переходит из Дискурса Согласования в ДЭС, заменяя общеупотребительное понятие *retirement* юридическим термином *disbar (to withdraw from an attorney the right to practise at its bar [14])*, которое применяется, как правило, в отношении субъектов адвокатской деятельности. Именно поэтому, описывая с помощью данного термина способ прекращения деятельности врача, Люсьен добавляет смягчающее словосочетание *so to speak*, поскольку речь идет о психиатре.

Приведенные примеры показывают, что диалектические механизмы дискурсивного взаимодействия неотделимы от интенциональных горизонтов участников дискурса, влияющих на характер иллокутивной силы высказываний. В зависимости от характера интенций носители ДЭС либо осуществляют коммуни-

кацию в профессиональных терминах, либо формируют Дискурс Согласования, пытаясь приблизиться к опыту и переживаниям Другого, либо уходят в Дискурс Различий, оперируя знаками с множественной интерпретантой, которые позволяют привнести необходимые смыслы, изменить коннотацию или подменить значение, апеллируя к выгодной дефиниции.

Направление интерпретации знака непосредственно зависит от принятой в семиозисе интенционально-

сти. При определенных условиях интерпретанта понятия может приобрести неограниченный объем и содержание, а термин использоваться как механизм манипулятивного воздействия и формирования Дискурса Различий – поля для манипуляций, игры знака между действительностью и ее копией. Дискурсивные практики находятся в постоянном движении, подчиняясь диалектическим законам развития в соответствии с современным семиозисом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крапивкина О.А. Опыт анализа дискурсивных практик как форм социального взаимодействия (на материале судебных телешоу) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 21–30.
2. Карнап Р. Значение и необходимость: Исследования по семантике и модальной логике. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1959. 384 с.
3. Lewis D. Convention. A Philosophical Study. Oxford : Basil Blackwell, 1986. 213 p.
4. Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. С. 349–384.
5. Lewis D. Truth in fiction // Lewis D. Philosophical Papers. New York : Oxford University Press, 1983. Vol. 1. 234 p.
6. Каплуненко А.М. Концепт–Понятие–Термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур. Иркутск, 2007. С. 115–120.
7. Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5–10.
8. De Crespigny A. Power and Its Forms // Political Studies. 1968. Vol. 16, № 2. P. 192–205.
9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худож. лит., 1972. 470 с.
10. Голев Н.Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 8–36.
11. Tiersma P.M. Reforming the Language of Jury Instructions // Hofstra Law Review. 1993. Vol. 22. P. 37–78.
12. Melinkoff, D. The Language of the Law. Boston : Little Brown and Company, 1963. 526 p.
13. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. URL: consultant.ru (дата обращения: 12.05.2017).
14. The Law Dictionary. URL: <http://thelawdictionary.org/disbar/> (дата обращения: 12.05.2017).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Судебное телешоу «Суд присяжных». URL: <http://sudprisyazhnyh.ucoz.ru/> (дата обращения: 12.05.2017).
2. Grisham J. A Time to Kill. URL: <http://bookre.org/reader?file=235396> (дата обращения: 12.05.2017).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 сентября 2017 г.

ON DIALECTICAL RELATIONS OF DISCOURSE PRACTICES IN THE LEGAL FIELD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 34–40.

DOI: 10.17223/15617793/423/5

Olga A. Krapivkina, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: koa1504@mail.ru

Keywords: discourse practices; dialectics; evolution; Discourse of Differences; Discourse of Concord; Discourse of Expert Community.

The present article analyzes dialectical mechanisms of transition from one discourse practice into another one in order to approximate or distance intentional horizons of communicants. Differences in intentional horizons and illocutionary purposes determine the nature of social interactions and vectors of interpretations of signs. Discourse practices are referred to as traditional speech activities of a discourse community which are determined by a specific culture from linguistic and semiotic perspectives, involved in it and characterizing it. The article proves that discourse practices are constantly moving, following the laws of dialectical development in conformity with modern semiosis. The dialectical nature of discourse practices is a constitutive feature of modern communication. It suggests interrelation of three forms of discourse practices – Discourse of Differences, Discourse of Concord and Discourse of Expert Community. Dialectical co-existence of these forms of social interaction is due to the differences of possible worlds of communicants – an expert and a layman. The author argues that vectors of sign interpretation depend on the intentionality accepted in semiosis. Depending on the nature of intentions, experts communicate using special terminology or form Discourse of Concord aimed at coming closer to experiences of laymen, or enter Discourse of Differences using signs with multiple interpretants which allow them to change connotations or replace meanings appealing to a more favorable definition. Under certain conditions, the interpretant can acquire unlimited extension and intention, and the term can be used as a manipulative mechanism for forming Discourse of Differences – an area for manipulation. The novelty of the research is due to the analysis of forms of social interaction of communicants (expert vs layperson) in the context of knowledge asymmetry. The article is a case study of English and Russian mass media and literary works (legal procedure stories and court TV shows). The validity of using this factual material for analysis of institutional communication is substantiated with reference to the possible world theory. In addition, analysis of legal discourse practices based on literary and mass media works helps to more deeply perceive objective reality since art works describe facts using generalized images and situations.

REFERENCES

1. Krapivkina, O.A. (2017) Analysis of discourses as forms of social interaction (A case-study of court shows). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 21–30. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/46/2
2. Carnap, R. (1959) *Znachenie i neobkhodimost': Issledovaniya po semantike i modal'noy logike* [Significance and necessity: Studies on semantics and modal logic]. Translated from English. Moscow: Izd-vo inostr. lit-ry.

3. Lewis, D. (1986) *Convention. A Philosophical Study*. Oxford: Basil Blackwell.
4. Stolneyker, R.S. (1985) Pragmatika [Pragmatics]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 16. pp. 349–384.
5. Lewis, D. (1983) Truth in fiction. In: Lewis, D. *Philosophical Papers*. Vol. 1. New York: Oxford University Press.
6. Kaplunenko, A.M. (2007) [Concept – Notion – Term: the evolution of semiotic entities in the context of discursive practice]. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: dialog yazykov i kul'tur* [Asia-Pacific Region: Dialogue of Languages and Cultures]. Proceedings of the conference Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University. pp. 115–120. (In Russian).
7. Dem'yankov, V.Z. (2005) Kognitsiya i ponimanie teksta [Cognition and understanding of the text]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 3. pp. 5–10.
8. De Crespigny, A. (1968) Power and Its Forms. *Political Studies*. 16:2. pp. 192–205.
9. Bakhtin, M.M. (1972) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Khud. lit.
10. Golev, N.D. (2006) Pravovaya kommunikatsiya v zerkale estestvennogo yazyka [Legal Communication in the Mirror of the Natural Language]. Golev, N.D., Brinev, K.I., Doronina, S.V. & Matveeva, O.N. (eds) *Yurislingvistika-7: Yazyk kak fenomen pravovoy kommunikatsii* [Juridical Linguistics-7: Language as a phenomenon of legal communication]. Barnaul: Altai State University.
11. Tiersma, P.M. (1993) Reforming the Language of Jury Instructions. *Hofstra Law Review*. 22. pp. 37–78.
12. Melinkoff, D. (1963) *The Language of the Law*. Boston: Little Brown and Company.
13. Russian Federation. (2017) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RF* [The RF Code of Criminal Procedure]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/. (Accessed: 12.05.2017).
14. *The Law Dictionary*. [Online] Available from: <http://thelawdictionary.org/disbar/>. (Accessed: 12.05.2017).

SOURCES

1. *Sudebnoe teleshou "Sud prisyzhnykh"* [Court TV show "Jury trial"]. [Online] Available from: <http://sudprisyzhnyh.ucoz.ru/>. (Accessed: 12.05.2017).
2. Grisham, J.A *Time to Kill*. [Online] Available from: <http://bookre.org/reader?file=235396>. (Accessed: 12.05.2017).

Received: 03 September 2017